

ГРАЖДАНСКАЯ ПРАВОСПОСОБНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ 1917 г.© 2008 г. И. А. Шершнёва-Цитульская¹

Различные проблемы правового регулирования деятельности религиозных организаций в дореволюционной России в целом и деятельности Русской Православной Церкви (РПЦ), в частности, неоднократно становились объектом научно-исследовательского интереса. Однако некоторые из них и по сей день остаются малоизученными. К числу таковых с полным правом можно отнести проблему гражданской правоспособности РПЦ накануне Октября 1917 г. Юристами советского периода она не изучалась, не стала она самостоятельным объектом исследования и в работах современных авторов, в силу чего степень ее разработанности осталась на уровне начала прошлого века. Между тем неизученность данной проблемы создала парадоксальную ситуацию, когда каждому юристу со студенческой скамьи известно содержание ст. 12 Декрета СНК РСФСР “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”, согласно которой религиозные организации лишались права собственности на церковное имущество и других прав юридического лица. Однако явное затруднение вызывают ответы на простые вопросы: кто был собственником имущества РПЦ в Российской империи? Кто обладал в ней статусом юридического лица?

Для того чтобы ответить на них в рамках статьи с помощью работ дореволюционных², а также советских и современных российских авто-

ров³, будут рассмотрены наиболее сложные аспекты гражданской правоспособности РПЦ в начале XX в.: проблема определения собственника церковного имущества и сопряженная с ней проблема гражданской правосубъектности церковной организации.

В отечественной науке дооктябрьского периода относительно субъекта права собственности на церковное имущество сформировались три точки зрения. Сторонники канонического подхода утверждали, что собственником церковного имущества являлась церковная организация в целом⁴. Мнения отечественных цивилистов разделились. Первая группа исследователей, опираясь на действовавший Свод законов гражданских, считала собственником церковного имущества церковные “установления”, т.е. низовые звенья (учреждения) церковной организации⁵. Вторая группа цивилистов доказывала, что верховным собственником церковного имущества следовало считать государство, поскольку, по ее мнению, имущество ведомства православного исповедания было по своей принадлежности казенным, только обособленным и переданным церкви в управление⁶. Обращение к трудам дореволюционных правоведов позволяет более четко сформулировать суть проблемы, а именно: находился ли соб-

¹ Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, кандидат юридических наук.

² См.: Анненков К.С. Система русского гражданского права. СПб., 1894; Барсов Т.В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. В 2-х т. СПб., 1885; Кузнецов Н. К вопросу о церковном имуществе и отношении государства к церковным недвижимым имениям в России // Богословский вестник. СПб., 1907; Павлов А.С. Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902; Суворов Н.С. Центральная организация церкви как юридическое лицо // Журнал Юридического общества. Кн. 5. СПб., 1895; Его же. Архиерейский дом и епархия как юридические лица // Журнал Юридического общества. Кн. 10. СПб., 1895; Его же. Монастыри и церкви как юридические лица // Журнал Юридического общества. Кн. 6. СПб., 1896; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Вступ. ст. Е.А. Суханова. М., 1995.

³ Грибанов В.П. К вопросу о разграничении права собственности и права оперативного управления // Вестник МГУ. Серия 11 “Право”. 1969. № 3; Корнеев С.М. Право оперативного управления как субъективное гражданское право // Сов. юстиция. 1978. № 4; Толстой Ю.К. Социалистическая собственность и оперативное управление // Проблемы гражданского права. Л., 1987; Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М., 1991; Маттеу У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. М., 1999; Гражданское право / Под ред. Е.А. Суханова. Т. 1. М., 2003; Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Ч. 1. М., 2004.

⁴ См.: Барсов Т.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 297–298; Павлов А.С. Указ. соч. С. 444–446; Кузнецов Н. Указ. соч. С. 4; Суворов Н.С. Центральная организация церкви как юридическое лицо. С. 51–53.

⁵ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 91; Мейер Д.И. Русское гражданское право. Т. 1. М., 2002. С. 142.

⁶ См.: Анненков К.С. Указ. соч. С. 327; Высоцкий Н. Церковно-имущественное право по русскому законодательству // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 1. 1887. С. 82.

ственник церковного имущества внутри церковной организации или вне ее?

Отечественная цивилистика конца XIX–начала XX вв. рассматривала проблему определения собственника церковного имущества через правомочия юридического лица, считая, что наличие у организации обособленного имущества на праве собственности – основополагающий критерий в признании ее юридическим лицом⁷. Принимая во внимание это обстоятельство⁸, представляется целесообразным проблему установления собственника церковного имущества в дореволюционной России рассмотреть в контексте проблемы более широкой – проблемы гражданско-правовой конструкции церковной организации РПЦ.

Свод законов гражданских, к сожалению, не оперировал термином “юридическое лицо” и тем более не содержал перечня видов российских юридических лиц, в то время как российская цивилистика начала XX в. активно это понятие использовала. Наличие в имущественном обороте в качестве субъектов права юридических лиц признавалось и в теории, и в правоприменительной практике, но отсутствие в законодательстве понятия “юридическое лицо”, разумеется, порождало проблемы в идентификации различных обществ, союзов и учреждений с теоретическими конструкциями юридических лиц. Особенно остро эта проблема стояла в отношении учреждений со сложной внутренней структурой, к каковым относилась и РПЦ.

Дореволюционные цивилисты, даже сторонники концепции государственной собственности в отношении имущества РПЦ, считали церковные “установления” (архиерейские дома, монастыри, приходские церкви, духовно-учебные заведения, съезды епархиального духовенства) юридическими лицами, отмечая при этом, что единого термина для обозначения церковных юридических лиц законодательство не знало, называя их то “установлениями”⁹, то “обществами”¹⁰, то “сословиями лиц”¹¹. Между тем в ст. 9 Устава лесного упо-

миналось не только об имуществе отдельных учреждений РПЦ, но и об имуществе общецерковном: “К общественным лесам принадлежат леса, приобретенные **духовным ведомством** архиерейскими домами, монастырями, церквами...”¹². Известный дореволюционный канонист Н.С. Суворов считал, что под Духовным ведомством в данном случае следовало понимать Св. Синод как юридическое лицо¹³. Но, скорее всего, в этой статье речь шла обо всей РПЦ как о субъекте гражданско-правовых отношений, иначе закон непосредственно указал бы на Св. Синод как на субъект права, владевший общецерковным имуществом. Однако в Своде законов гражданских нигде не упоминалось о Св. Синоде как о верховном собственнике всего церковного имущества.

Примечательно то, что другие христианские церкви Российской империи законодатель считал верховными собственниками церковного имущества, признавая за ними в целом, а не за их руководящими органами такое юридическое качество, как гражданская правосубъектность. К примеру, ст. 1116 Уставов духовных дел иностранных исповеданий признавала все движимое и недвижимое имущество общей собственностью Армяно-григорианской церкви, а из ст. 71 Уставов вытекала гражданская правосубъектность всей Русской римско-католической церкви¹⁴. Но эти религиозные объединения не являлись частью государственного аппарата, каковой была РПЦ, а лишь исполняли некоторые функции публичной власти, возложенные на них государством, тогда как особое правовое положение РПЦ в государстве породило проблему определения собственника ее имущества.

В отличие от большинства “инославных” религиозных организаций¹⁵, в отношении РПЦ законодательство не закрепляло отдельной нормой право собственности всей церковной организации на общецерковное имущество. Это дало основание Т.Е. Новицкой, исследовавшей гражданское законодательство XVIII в., которое в части регулирования имущественных отношений церкви мало изменилось и к началу XX в., сделать вывод о том, что в дореволюционный период церковная собственность не была единой, а имуществом на праве собственности обладали только ее отдельные учреждения¹⁶. Представляется, что содержа-

⁷ См., например: *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. С. 157–158; *Мейер Д.И.* Указ. соч. С. 137; *Васильковский Е.В.* Учебник гражданского права. М., 2003. С. 108.

⁸ В современной российской цивилистике существует иной подход в определении признаков юридического лица, согласно которому невозможно среди правомочий юридического лица выделить какое-то одно и назвать его основополагающим, поэтому ст. 48 ГК РФ закрепила несколько признаков юридического лица, совокупность которых дает основание считать организацию юридическим лицом.

⁹ См.: *Собрание законов Российской империи* (далее – СЗРИ). СПб., 1914. Т. X. Ч. I. Свод законов гражданских. Ст. 413.

¹⁰ См.: СЗРИ. СПб., 1893. Т. VIII. Ч. I. Устав лесной. Ст. 1–9.

¹¹ См.: СЗРИ. Т. X. Ч. I. Свод законов гражданских. Ст. 698, 2291.

¹² Там же. Т. VIII. Ч. I. Устав лесной. Ст. 9.

¹³ См.: *Суворов Н.С.* Центральная организация церкви как юридическое лицо. С. 42.

¹⁴ См.: СЗРИ. СПб., 1896. Т. XI. Ч. I. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 71, 1116.

¹⁵ Законодательство Российской империи различало три группы вероисповеданий: православное вероисповедание, иностранные и инославные исповедания.

¹⁶ См.: *Новицкая Т.Е.* Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М., 2005. С. 359.

ние норм Свода законов Российской империи и других систематизированных актов, регулировавших имущественные отношения РПЦ, свидетельствует о наделении ее в целом гражданской правосубъектностью.

В качестве важнейшего доказательства могут выступать ст. 401–402 Законов о состояниях, согласно которым церковные земли и угодья признавались **неприкосновенной церковной собственностью**¹⁷. В случае упразднения приходской церкви принадлежавшие ей земли и угодья не возвращались прихожанам, а переходили в ведение того прихода, к которому они приписывались. Такая норма могла появиться в российском законодательстве лишь в том случае, если презюмировалось, что РПЦ – единый субъект имущественного оборота и собственник всего церковного имущества. В противном случае право собственности на имущество упраздненного местного церковного “установления”, как и само имущество, должно было перейти либо государству, либо сельской общине. Такая же логика прослеживается и в содержании п. 115 Устава духовных консисторий, согласно которому имущество умершего архиерея при отсутствии наследников не переходило в разряд выморочного, а поступало в пользу архиерейского дома¹⁸. Этот же принцип был положен и в основу ст. 394–395 Законов о состояниях, закрепивших особый статус движимого имущества и капитала монашествующих и настоятелей монастырей¹⁹.

Кроме того, в примечаниях к ст. 411 (прим. 15 п. “г”) Законов о состояниях, содержащих правила об обеспечении земельными наделами православных приходов западных и юго-западных губерний, прямо указывалось, что “земля, к церкви отведенная, составляет **неприкосновенную церковную собственность, которой духовное начальство заведует, а церковный причт пользуется** на определенных правилах”²⁰.

Наконец, ст. 1298 Устава гражданского судопроизводства в спорах между государственными ведомствами о принадлежности имущества надела гражданско-процессуальной правоспособностью Духовное ведомство в целом²¹. Правда, это совершенно не исключало того, что искать и быть ответчиком в суде, заключать сделки и нести ответственность по обязательствам могли и отдельные учреждения РПЦ. Процессуальная

правоспособность монастырей, церквей и архиерейских домов приравнивалась к делам казенного управления с изъятиями, установленными ст. 1284–1298 Устава гражданского судопроизводства²².

Таким образом, существуют достаточно веские аргументы в пользу признания РПЦ в целом собственником церковного имущества. Но если предположить, что Духовное ведомство являлось собственником церковного имущества, то как определить то вещное право, согласно которому владели, пользовались и распоряжались имуществом учреждения РПЦ?

Дореволюционные исследователи считали, что архиерейские дома, монастыри, приходские церкви, духовно-учебные заведения, съезды епархиального духовенства были собственниками церковного имущества и в силу этого являлись юридическими лицами, но вынуждены были делать оговорку об ограничении правоспособности указанных “собственников”²³. Правда, далеко не все отечественные цивилисты разделяли данную точку зрения. Так, К.П. Победоносцев, анализируя правомочия священно- и церковнослужителей в отношении приходской земли, пришел к выводу о том, что это право соответствует “непосредственному употреблению (usus) и не вмещает в себя право отдачи церковной земли на свой счет в постороннее пользование”²⁴, поэтому и не может быть признано правом собственности.

Действительно, монастыри и архиерейские дома не могли приобретать населенные недвижимые имущества и владеть ими; в случае нарушения запрета это имущество подлежало изъятию в пользу казны²⁵. В отношении правоспособности других собственников, перечисленных в ст. 413 ч. I Свода законов гражданских, подобных ограничений не имелось.

Отводимые монастырям и архиерейским домам из казны земли и угодья запрещалось отчуждать²⁶. Отчуждению по общему правилу не подлежали и земли, отведенные прихожанами для содержания причтов²⁷. Такого рода сделки могли совершаться только в том случае, если отчуждение было в интересах церковного учреждения и не иначе как с Высочайшего соизволения. При

²² См.: там же. Ст. 1284–1298.

²³ См.: Суворов Н.С. Архиерейский дом и епархия как юридические лица. С. 56; Анненков К.С. Система русского гражданского права. С. 203.

²⁴ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. В 3-х ч. Ч. 1 / Под ред. и с предислов. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 553.

²⁵ См.: СЗРИ. Т. IX. Законы о состояниях. Ст. 329.

²⁶ См.: там же. Ст. 384.

²⁷ См.: там же. Ст. 300.

¹⁷ СЗРИ. СПб., 1899. Т. IX. Законы о состояниях. Ст. 402.

¹⁸ См.: Устав духовных консисторий. Изд. 3-е. М., 1874. Ст. 115.

¹⁹ См.: СЗРИ. Т. IX. Законы о состояниях. Ст. 394–395.

²⁰ Там же. Ст. 411.

²¹ См.: СЗРИ. СПб., 1914. Т. XVI. Ч. I. Устав гражданского судопроизводства. Ст. 1298.

этом средства, полученные по сделке, церковное учреждение было обязано использовать на приобретение государственных ценных бумаг или на покупку другого землевладения²⁸. Приобретение ненаселенного имения законом не запрещалось, но каждый раз было необходимо получение через Св. Синод разрешения императора на совершение сделки²⁹, что, впрочем, по отзывам епархиальных архиереев, только замедляло процесс приобретения недвижимости, но не останавливало его³⁰.

Разумеется, указанные ограничения гражданской правоспособности учреждений РПЦ имели главной своей целью замедлить рост недвижимого церковного имущества, чтобы сохранить материально-финансовую зависимость церкви от государства. Вместе с тем ограничения в распоряжении имуществом, существовавшие для церковных “установлений”, не только вытекали из принципа подчинения церкви государству, но и обуславливались их принадлежностью к Духовному ведомству. Так, хозяйством архиерейского дома управлял эконо́м, назначаемый консисторией. Консистории осуществляли надзор и контроль над хозяйственной жизнью и использованием имущества по назначению архиерейскими домами, монастырями, приходскими церквями³¹. В случае выбытия архиерея из епархии или его смерти и до назначения нового консистория управляла имуществом архиерейского дома. Св. Синод имел право разрешения залога имущества, находившегося в ведении церковных “установлений”, в местных кредитных учреждениях (Именной указ от 14 июня 1876 г.). Монастыри и архиерейские дома могли сдать недвижимость в аренду, но только с разрешения епархиальных архиереев³², исключая использование ее арендаторами в торговых целях³³.

Указанные ограничения дают основание предположить, что **гражданская правоспособность учреждений РПЦ была специальной (целевой)**. Значительная роль императора, Св. Синода, епархиальных архиереев и консисторий в осуществлении такого правомочия собственника, как право распоряжения имуществом, свидетельствовала о том, что учреждения РПЦ владели, пользовались и распоряжались церковным имуще-

ством **на ограниченном вещном праве**, которое, однако, было несколько шире права пользования, поскольку включало в себя еще и ограниченное право распоряжения имуществом (инициатива заключения сделок должна была исходить непосредственно от того церковного учреждения, в чьем ведении находилось имущество, а не от церковно-административных органов).

По своей сущности и содержанию данное вещное право напоминает известное современному гражданскому законодательству право оперативного управления, оформляющее вещные права юридического лица, учрежденного собственником имущества. Однако ни дореволюционное гражданское законодательство³⁴, ни дореволюционная цивилистическая наука конструкции права оперативного управления не знали. Зато Свод законов гражданских в кн. II содержал конструкцию “права распоряжения, отдельного от права собственности”, определявшего правомочия по управлению имуществом, обособленным и переданным учреждению собственником.

Дореволюционное законодательство разграничивало право на чужую вещь (сервитуты) и “право распоряжения, отдельное от права собственности”, указывая, что последнее “не иначе может отделяться от права собственности, как или по доверенности, или **по закону, когда имущество подвергается запрещению в совершении купчих и закладных крепостей, или секвестру в его управлении**, или опеке”³⁵. Очевидно, что речь не идет о праве полного распоряжения имуществом собственника, а всего лишь об управлении данным имуществом, когда собственник в силу указания закона или по договору передает это право другому лицу. Пожалуй, только с помощью конструкции “права распоряжения, отдельного от права собственности” можно попытаться объяснить сложные вещно-правовые отношения, сложившиеся внутри ведомства православного исповедания в сфере управления церковным имуществом. Но даже эта конструкция не способна до конца раскрыть юридическую суть данных отношений.

Возможно, ответ на этот вопрос следует искать в работах канонистов. К примеру, Н.С. Суворов в своем учебнике по церковному праву отмечал, что канонисты, изучая юридическое положение церкви в Западной Европе, “встречались с тем любопытным явлением западной истории, что среди германских народов, живших по своим племенным правам, церковь и духовенство жили

²⁸ См.: Барсов Т.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 298; СЗРИ. Т. X. Ч. I. Свод законов гражданских. Ст. 778.

²⁹ См.: СЗРИ. Т. IX. Законы о состояниях. Ст. 386; Т. X. Ч. I. Свод законов гражданских. Ст. 778.

³⁰ См.: Церковные ведомости. 1905. № 5. С. 23–25.

³¹ См.: Устав духовных консисторий. 3-е изд. М., 1874. Ст. 106–107, 109–114, 118.

³² См.: СЗРИ. Т. X. Ч. I. Свод законов гражданских. Ст. 1711.

³³ См.: СЗРИ. Т. XI. Законы о состояниях. Ст. 384.

³⁴ В начале XVIII в. имели место случаи, когда казенные предприятия передавались в управление “кумпанствам” на праве оперативного управления, однако в дальнейшем этот опыт не получил распространения (см.: Новицкая Т.Е. Указ. соч. С. 246).

³⁵ СЗРИ. Т. X. Ч. I. Ст. 541, 542.

по римскому праву, которое сделалось правом церкви и духовенства даже и во многих гражданских отношениях”³⁶. Подобная ситуация, по его мнению, имела место и на Руси с той разницей, что вместе с каноническими правилами к восточным славянам пришли не только нормы римского права, но и нормы византийского происхождения. Если следовать этой концепции, то логично было бы искать корни гражданско-правовой конструкции РПЦ в постклассическом римском праве, поскольку нормы, привнесенные в законодательство о церкви византийскими императорами, более всего касались вопросов внутреннего устройства и публично-правовых отношений церкви и государства, нежели ее имущественных отношений.

Исторически со времен постклассического римского права сложилась, а затем укоренилась в православной канонической традиции конструкция “расщепленного” права распоряжения церковным имуществом. Право распоряжения было разделено между церковными учреждениями и архиереями. Последние осуществляли контроль над использованием церковного имущества по назначению и разрешали осуществление сделок³⁷. Можно предположить, что каноническая традиция в какой-то мере повлияла и на гражданско-правовую конструкцию РПЦ, закрепленную в законодательстве Российской империи. Но гражданское законодательство Российской империи в целом в малой степени испытало влияние римского права, к которому восходит столь сложная гражданско-правовая конструкция церковной организации РПЦ³⁸. Поэтому и конструкцию права собственности на церковное имущество законодателью пришлось приспособить к российским институтам вещного права. В силу того что эта проблема была отнесена к сфере канонического права, в работах дореволюционных цивилистов ей мало уделялось внимания. Канонисты же объясняли сущность данного вещного права с помощью канонических правил, редко прибегая к анализу светского законодательства.

В целом следует отметить, что юридическая конструкция права собственности на церковное имущество была действительно сложна. Это подтверждает и правоприменительная практика. Любая сделка, совершаемая с недвижимым имуществом РПЦ, являлась длительной, на которую уходило от нескольких месяцев до нескольких лет и только потому, что разрешение на совершение сделки следовало получать у вышестоящих церковных органов, которые, как известно, отлича-

лись бюрократической волокитой. К примеру, процедура продажи Владимирским собором г. Казани половины двухэтажного дома, доставшегося ему по завещанию мещанки Е.Медведевой, длилась с февраля 1913 по июль 1917 г.³⁹ Оформление договора купли-продажи пустоши “Доможирово” Новоторжского уезда Тверской епархии заняло около года – с июня 1916 по июль 1917 г.⁴⁰ А совершение сделки купли-продажи Паньковской дачи, принадлежавшей Киево-Софийскому митрополичьему дому в Киеве, побило все рекорды и растянулось на семь лет: с января 1910 по июнь 1917 г.⁴¹

Но, поскольку РПЦ являлась частью государственного механизма Российской империи, постольку возникает вопрос: считать ли общецерковное имущество казенным или все же рассматривать его как имущество исключительно церковное?

На первый взгляд кажется, что вопрос этот беспредметен: если РПЦ – часть государственного механизма, то и имущество ее – государственное, т.е. казенное. Между тем еще в период деятельности Государственной думы III созыва эта проблема стала предметом ожесточенных споров. При обсуждении сметы расходов ведомства православного исповедания на 1911 г. члены правых партий поставили вопрос о “путанице” в правоприменительной практике понятий “Православная церковь” и “Духовное ведомство”. По мнению епископа Митрофана, депутата от Могилевской губернии, “под означенным в смете ведомством православного исповедания надо понимать... организацию чиновных лиц под управлением своей главы, в данном случае – обер-прокурора Св. Синода”⁴². РПЦ – это не ведомство, поэтому главой церкви, “хозяйном-распорядителем церковного имущества... является Св. Синод, и деньги, поступающие сюда..., нужно считать не ведомственными, а церковными”⁴³.

Будущий обер-прокурор Св. Синода (в тот период депутат от Самарской губернии) В.Н. Львов считал понятия “Православная церковь” и “Духовное ведомство” синонимами: “Духовное ведомство, или ведомство православного исповедания, или ведомство Св. Синода – это есть та правовая оболочка государственного учреждения, которую дал Петр I церкви, вылив ее в государственную форму”⁴⁴. И

³⁹ См.: Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1445. Л. 40–41.

⁴⁰ См.: там же. Л. 42–45.

⁴¹ См.: там же. Л. 9–12.

⁴² Яковлев А. Церковная политика Государственной Думы в сопоставлении с иностранными парламентами. Пг., 1915. С. 36–37.

⁴³ Там же. С. 37.

⁴⁴ Там же. С. 39.

³⁶ Суворов Н.С. Учебник церковного права. М., 1908. С. 6.

³⁷ См.: Павлов А.С. Указ. соч. С. 444–445.

³⁸ См. подробнее: Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву. Ярославль, 1892. С. 184.

хотя В.Н. Львов назвал мысль, высказанную епископом Митрофаном, абсурдной, но с гражданско-правовой точки зрения такая постановка вопроса была правомерна. Депутат-священник обратил внимание Государственной Думы на крайне важный для РПЦ вопрос: казенным или церковным является имущество ведомства православного исповедания и кто им распоряжается – государство или церковь?

Эта дилемма так и не была разрешена цивилистической доктриной дооктябрьского периода главным образом из-за того, что РПЦ находилась в двойственном положении: она одновременно исполняла и государственные функции, и функции, свойственные религиозному объединению как социальному институту. Ее задачи зачастую входили в противоречие друг с другом, да и чтобы осуществлять все функции, возложенные на церковь обществом и государством, РПЦ должна была владеть имуществом и иметь собственные (и немалые!) финансовые средства. Указанные обстоятельства предопределили то, что государство даже в начале XX в., с одной стороны, сохранило в неприкосновенности некоторые особенности гражданско-правового и финансового положения ведомства православного исповедания, поставившие его в данной сфере в привилегированное положение относительно остальных министерств и ведомств, с другой – сделало все возможное, чтобы фактически РПЦ не имела финансовой самостоятельности.

К примеру, Духовное ведомство не было полностью подконтрольно Государственному казначейству, и о размерах его доходов в полной мере не знал ни Св. Синод, ни Государственный статистический комитет. Только за ведомством православного исповедания была оставлена привилегия оставлять неистраченные за год кредиты в ведомстве, не возвращая их в казну⁴⁵, причем оформлена она была подзаконным актом – постановлением Департамента экономики⁴⁶.

Обер-прокурор Св. Синода граф Д.А. Толстой в период проведения финансовой реформы 60-х годов XIX в. отстаивал позицию ведомства православного исповедания, состоявшую в том, что **РПЦ содержится на свои средства, лишь с пособием от государства**⁴⁷. Только в 1909 г. Св. Синод впервые вследствие настойчивого требования Государственной думы представил на ее рассмотрение смету своих специальных средств на 1908 г. и с тех пор, хотя и с опозданием на год, стал пред-

ставлять смету для опубликования⁴⁸. Но вследствие того, что имущество РПЦ было обособлено и закреплено за ее учреждениями, точные доходы епархий, монастырей, причтов никогда не подсчитывались. Известны только доходы Св. Синода, спецкапиталы которого на 25 ноября 1917 г.⁴⁹ составляли 46 021 212 руб., из них на счета банков и кредитными билетами – 1307822 руб. 17 коп.⁵⁰

Начало частичному финансированию РПЦ из казны положила реформа Екатерины II, сопровождавшаяся изъятием церковных земель. По указанию Александра III в 1889 г. был восстановлен отпуск казенных средств на нужды РПЦ, временно прекращенный с 1861 г.⁵¹ В начале XX в. количество приходов РПЦ, получавших казенное содержание согласно штатному расписанию, год от года увеличивалось: в 1907 г. – 27 925 приходов⁵², в 1908 г. – 28 238⁵³. В 1917 г. из казны финансировалось 35 516 приходов при общей их численности 42 713, из 54 292 священнослужителей РПЦ оклады получали 28 300 человек⁵⁴.

Общая сумма расходов на Духовное ведомство по государственной росписи доходов и расходов к 1916 г. относительно 1907 г. выросла на 84%, составив 53965767 руб.⁵⁵ Вследствие прибавления сверхлимитных расходов в связи с обстоятельствами военного времени реальные расходы за 1916 г. составили 62920835 руб.⁵⁶ А на 1917 г. предусматривалось их увеличение до 65262114 руб.⁵⁷, и это не считая 2 млн. руб. беспроцентной ссуды, выданной на расходы по проведению Поместного Собора (правда, реально получено было только 1.5 млн. руб.)⁵⁸.

Вместе с тем государственные расходы на нужды РПЦ не ограничивались только теми средствами, которые выделялись Св. Синоду. Подсчитать их общую сумму можно только приблизительно вследствие того, что не все министерства

⁴⁸ См.: там же. С. 250.

⁴⁹ См.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 434. Л. 12 (Материалы ревизии, проведенной делегацией Поместного Собора РПЦ).

⁵⁰ См.: там же. Д. 410. Л. 16.

⁵¹ См.: Айвазов И.Г. Новая вероисповедная система русского государства. М., 1908. С. 25.

⁵² См.: Смета доходов и расходов Св. Правительствующего Синода на 1907 г. СПб., 1906. С. 44.

⁵³ См.: Смета доходов и расходов Св. Правительствующего Синода на 1908 г. СПб., 1907. С. 44.

⁵⁴ См.: Объяснительная записка к смете доходов и расходов Св. Правительствующего Синода на 1917 г. Пг., 1916. С. 78.

⁵⁵ См.: Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 67.

⁵⁶ См.: ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 613. Л. 7.

⁵⁷ См.: там же.

⁵⁸ См.: там же. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 410. Л. 3.

⁴⁵ См.: Богатство и доходы духовенства / Сост. В. Кильчевский. СПб., 1908. С. 21.

⁴⁶ См.: Яснопольский Л.Н. Очерки русского бюджетного права. М., 1912. С. 250.

⁴⁷ См.: там же. С. 237–238.

и ведомства отмечали расходы на нужды “первенствующего исповедания” в своих бюджетах отдельной строкой. Например, только за 1909 г. все министерства Российской империи на довольствие православного духовенства, обслуживавшего ведомственные учебные заведения и домовые храмы, истратили сумму, превышавшую 3 млн. руб.⁵⁹

Впрочем, следует иметь в виду, что значительная часть выделяемых государством Св. Синоду средств шла не на оклады духовенству и нужды храмов, а на церковно-приходские школы, поэтому государственное финансирование потребностей самой РПЦ, конечно, нельзя считать достаточным. К тому же церковь не могла в необходимом количестве тратить и собственные средства, так как они по волеизъявлению императора были переведены в процентные бумаги и распоряжаться Св.Синод мог только суммой в 4% годовых исключительно по целевому назначению⁶⁰. Данное ограничение правоспособности, несмотря на наличие у РПЦ собственных средств и источников финансирования, предопределило ее зависимость от государственной казны.

И все же юридически имущество РПЦ государственным не являлось. Закон хотя и приравнивал гражданско-правовой режим имущества РПЦ к режиму казенного имущества, но не отождествлял их правовые статусы. Статья 406 Свода законов гражданских, перечисляя субъектов, наделенных обособленным казенным имуществом, ведомство православного исповедания не упоминала⁶¹. Зато низовые учреждения Духовного ведомства как субъекты имущественных прав и обязанностей перечислялись в ст. 413 Свода законов гражданских, в которой рассматривался правовой режим “имущества разных установлений”⁶², т.е. по смыслу содержания статьи публично-правовых, но все же неказенных.

Устав гражданского судопроизводства в ст. 1297 и 1298 разграничивал имущество церковное и имущество казенное, при этом называя Духовное ведомство государственным. Согласно закону спор о казенном имуществе при наличии согласия между руководителями учреждений осуществлялся в административном порядке, а при разногласии рассматривался 1-м департаментом Сената. Изъятие из этого правила касалось имущественных споров Духовного и Удельного ведомств между собой, а равно их споров с другими ведомствами. Рассмотрение указанных споров от-

носилось к юрисдикции судебных “установлений” и производилось на общих основаниях⁶³.

Приведенные аргументы свидетельствуют о том, что закон не рассматривал РПЦ в качестве представителя фиска. Этот факт, разумеется, не дает основания считать РПЦ самостоятельным от государства религиозным объединением, но в гражданско-правовом аспекте он существен, ибо позволяет рассматривать ведомство православного исповедания как **юридически самостоятельный субъект имущественного оборота, как верховного собственника всего церковного имущества**.

Таким образом, гражданско-правовая конструкция ведомства православного исповедания была сложной. Правосубъектностью наделялась и РПЦ, и ее структурные подразделения. Однако собственником церковного имущества являлась РПЦ в целом, а ее учреждения обладали ограниченным вещным правом. При этом не только хозяйствующие организации РПЦ являлись юридическими лицами, но и вся церковная организация, выступавшая в имущественном обороте под наименованием “Ведомства православного исповедания”.

Современные российские цивилисты считают такую гражданско-правовую конструкцию оптимальной для Русской Православной Церкви⁶⁴, а Федеральный закон “О свободе совести и религиозных объединениях” от 26 сентября 1997 г. в соответствии со ст. 18 и 23 дает право любому религиозному объединению в своем уставе закрепить подобную юридическую конструкцию, а значит, наделить религиозное объединение в целом правами юридического лица и предоставить данные права своим учреждениям, передав им имущество на праве оперативного управления.

Уникальная ситуация двоевластия, порожденная Февральской буржуазно-демократической революцией 1917 г., создала двойные стандарты в регулировании имущественных отношений Русской Православной Церкви.

Оставив в силе действующее гражданское законодательство и объявив о том, что все вопросы имущественного характера полномочно решить только Учредительное собрание, Временное правительство, не дожидаясь созыва собрания, изъясло из ведения ведомства православного исповедания церковно-приходские школы со всем их имущественным комплексом и постановлением от 20 июня 1917 г. передало это имущество Министерству народного просвещения. Шаг этот рас-

⁵⁹ См.: *Бонч-Бруевич В.Д.* Избр. атеистические произведения. М., 1973. С. 136.

⁶⁰ См.: *Римский С.В.* Русская Церковь в эпоху великих реформ. М., 1999. С. 280.

⁶¹ См.: СЗРИ. Т. X. Ч. I. Свод законов гражданских. Ст. 406.

⁶² Там же. Ст. 413.

⁶³ См.: СЗРИ. Т. XVI. Ч. I. Устав гражданского судопроизводства. Ст. 1297–1298.

⁶⁴ См.: *Суханов Е.А.* Лекции о праве собственности. С. 126–132; *Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Ч. 1. С. 171–172, 411.*

сма­три­вал­ся пра­ви­тель­ством как обычная пере­дача казенного имущест­ва от одного ведом­ства дру­гому, а не как дей­ствие, на­прав­лен­ное на пе­ре­ход пра­ва соб­ствен­но­сти, поэ­тому Св. Синод о при­нимае­мом ре­ше­нии за­ранее не уве­до­мили. Оп­ре­де­ле­нием от 3 июля 1917 г. Св. Синод просил Временное правитель­ство отменить указанное постановление⁶⁵, рас­ценив пере­дачу цер­ков­ных школ Ми­ни­стер­ству на­род­но­го про­све­ще­ния как “яв­ле­ние, вы­хо­дя­щее за ра­мки за­кон­но­сти”⁶⁶.

Такая реакция со стороны Синода была пред­ска­зуе­ма. Ве­дом­ство пра­во­слав­но­го ис­по­ве­да­ния рас­по­ла­га­ло 37 тыс. на­чаль­ных школ, 425 – вто­ро­класс­ны­ми шко­ла­ми и 21 цер­ков­но-учи­тель­ской шко­лой, имущест­во ко­то­рых оце­ни­ва­лось в 170 млн. руб.⁶⁷ К тому же и в спец­сред­ствах Св. Синода, и в го­су­дар­ствен­ных кре­дитах, вы­де­ляе­мых ве­дом­ству пра­во­слав­но­го ис­по­ве­да­ния, льви­ная доля при­хо­ди­лась на ка­пи­тал ду­хов­но-учеб­ных за­ве­де­ний, и те­перь эти сред­ства пе­ре­да­ва­лись свет­скому ор­га­ну, что боль­но ударило по имущест­вен­но­му по­ло­же­нию цер­кви, да и пе­ре­дача цер­ков­но-при­ход­ских школ в ве­де­ние Ми­ни­стер­ства на­род­но­го про­све­ще­ния озна­ча­ла от­стране­ние цер­кви от ак­тив­но­го уча­стия в вос­пи­та­нии под­рас­та­ю­ще­го по­ко­ле­ния, что вос­при­ни­ма­лось ду­хов­ен­ством как удар по “сим­фо­нии вла­стей”.

В итоге пе­ре­дача школ, не­смот­ря на протес­ты Св. Синода и По­мest­но­го Со­бо­ра РПЦ⁶⁸, все-та­ки со­сто­я­лась, причем сред­ства из го­су­дар­ствен­ных ассиг­но­ваний на со­дер­жа­ние цер­ков­но-при­ход­ских школ были изъ­яты у ве­дом­ства пра­во­слав­но­го ис­по­ве­да­ния и пе­ре­да­ны Ми­ни­стер­ству на­род­но­го про­све­ще­ния⁶⁹, а спец­ка­пи­талы Св. Синода по ду­хов­но-учеб­ной ча­сти в раз­ме­ре 22 312 365 руб. были оста­вле­ны в рас­по­ря­же­нии цер­кви⁷⁰.

С юри­дичес­кой точки зре­ния этот шаг Вре­мен­но­го пра­ви­тель­ства, как пред­став­ля­ется, сле­дует оце­нить как **на­цио­на­ли­за­цию цер­ков­но­го имущест­ва**, по­сколь­ку имущест­во ве­дом­ства пра­во­слав­но­го ис­по­ве­да­ния ка­зен­ным не яв­ля­лось, хотя зна­чи­тель­ная доля ка­пи­талов, на ко­то­рые со­дер­жа­лись цер­ков­но-при­ход­ские шко­лы, была ассиг­но­вана каз­ной.

Особую роль в изменении имущест­вен­но­го по­ло­же­ния РПЦ сы­гра­ла пра­во­при­менительная практика мес­тных ор­ганов Вре­мен­но­го пра­ви­тель­ства – во­ло­ст­ных зе­мель­ных ко­ми­тетов, гу­

бернских и во­ло­ст­ных управ. В ходе раз­ви­тия Фе­вральской ре­во­лю­ции 1917 г. во­ло­ст­ные зе­мель­ные ко­ми­те­ты в ряде ре­ги­онов вы­сту­пили как ре­во­лю­ци­он­ные ор­га­ны кре­стьянства, взяв­шие на се­бя ре­ше­ние во­про­са о зем­ле. В своей де­я­тель­но­сти они вы­шли за ра­мки пол­но­мо­чий, пред­ос­та­в­лен­ных им по­ста­нов­ле­нием Вре­мен­но­го пра­ви­тель­ства⁷¹, **на­чав с вес­ны 1917 г. фак­ти­че­скую му­ни­ци­па­ли­за­цию** при­ч­то­вых и мо­на­стырских зе­мель. Но, по­сколь­ку зе­мель­ные ко­ми­те­ты, в от­ли­чие от Со­ветов, са­мо­сто­ятельного ис­точ­ника вла­сти не име­ли, а воз­ник­ли по по­ста­нов­ле­нию Вре­мен­но­го пра­ви­тель­ства, ко­то­рое их та­ки­ми пол­но­мо­чия­ми не на­де­лило, по­сто­ль­ку **их дей­ствия по изъ­я­тию зе­м­ли фак­ти­че­ски яв­ля­лись са­мо­управ­ством**.

Жа­ло­бы на са­мо­управ­ство зе­мель­ных ко­ми­тетов ста­ли по­сту­пать на имя По­мest­но­го Со­бо­ра РПЦ с мо­мен­та его от­кры­тия, поэ­тому де­пу­та­ты Со­бо­ра в сен­тя­бре 1917 г. со­чи­ли не­об­хо­ди­мым об­ра­тить­ся к Вре­мен­но­му пра­ви­тель­ству с про­сь­бой об огра­жде­нии имущест­ва цер­квей и мо­на­стырей от “на­силъ­ствен­но­го изъ­я­тия”⁷². Но на си­ту­а­цию с зе­мель­ным во­про­сом это об­ра­ще­ние по­влиять уже не мо­гло – на­рас­та­вший с каж­дым днём по­ли­ти­че­ской кри­зис не по­зво­лил Вре­мен­но­му пра­ви­тель­ству ре­шить дан­ную про­бле­му.

Со­веты и дру­гие ре­во­лю­ци­он­ные ор­га­ны в цен­тре и на мес­тах то­же при­ня­ли уча­стие в изъ­я­тии цер­ков­но­го имущест­ва. В ре­зуль­та­те к Ок­тябрю 1917 г. РПЦ ли­ши­лась бо­ль­шин­ства ла­в­рских ти­по­гра­фий (Ки­ево-Пе­чер­ской, Успен­ской, Тро­ице-Сер­гие­вой, По­чаев­ской, Успен­ской в г. Су­ху­ми). 2 ав­гу­ста 1917 г. Св. Синод об­ра­тил­ся в Ми­ни­стер­ство внут­рен­них дел с про­сь­бой “об­ра­тить цер­ков­ные ти­по­гра­фии вновь по их пря­мо­му на­зна­че­нию”⁷³. Под свой кон­троль дан­ный во­прос взял По­мest­ный Со­бор РПЦ. Но это были дей­ствия пост­фак­тум, по­сколь­ку с мая по ав­густ 1917 г. ука­зан­ные ти­по­гра­фии и их имущест­во уже были изъ­яты ре­во­лю­ци­он­ны­ми ор­га­на­ми, и соб­ствен­ник по­те­рял к ним доступ.

Та­ким об­ра­зом, пра­во­при­менительная практика сви­де­тель­ствует о не­га­тив­ных по­след­ствиях дво­е­вла­стия. Су­деб­ные и пра­во­охранительные ор­га­ны ру­ко­вод­ство­ва­лись дей­ст­вую­щим за­ко­но­да­тель­ством, а Со­веты – но­вым, “ре­во­лю­ци­он­ным пра­вом”, опи­рав­шим­ся за­час­тую не на за­кон, а на ре­во­лю­ци­он­ное пра­во­соз­на­ние масс. Без­дей­ствие Вре­мен­но­го пра­ви­тель­ства привело к тому, что про­ти­во­ре­чия ме­жду со­дер­жа­нием дей­ст­вую­ще­го за­ко­но­да­тель­ства и обьек­тив­ной ре­аль­но­

⁶⁵ См.: ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1449. Л. 7.

⁶⁶ Там же. Л. 6.

⁶⁷ См.: там же. Л. 6, 6 об.

⁶⁸ 15 ав­гу­ста 1917 г. в Мос­кве на­чал свою ра­бо­ту По­мest­ный Со­бор РПЦ, воз­ро­див­ший тра­ди­ции цер­ков­но­го са­мо­управ­ле­ния и вос­ста­но­вив­ший ин­сти­тут па­триарха.

⁶⁹ См.: там же. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 410. Л. 3.

⁷⁰ См.: там же. Л. 11.

⁷¹ См.: Ар­хив но­вей­шей ис­то­рии Рос­сии / Под ред. С.В. Ми­ро­нова и А.В. Ко­з­ло­ва // Жур­на­лы за­се­да­ний Вре­мен­но­го пра­ви­тель­ства. В 4-х т. Т. 1. М., 2001. С. 289–290.

⁷² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 20. Л. 29.

⁷³ Оп­ре­де­ле­ние Св. Синода от 2 ав­гу­ста 1917 г. // Цер­ков­ный вест­ник. 1917. № 32–33. С. 263–264.

стью обострились до предела, что вынудило даже органы, подвластные Временному правительству (земельные комитеты, земские управы), выйти за рамки своей компетенции.

После Октябрьской революции процесс национализации и муниципализации церковной собственности был продолжен на законной основе. Согласно Декрету о земле была проведена национализация церковных земель. Весной 1918 г. в городах началась муниципализация доходных домов РПЦ. Но главный удар по благосостоянию церкви нанесли 20 января 1918 г., когда был принят Декрет СНК РСФСР “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”, провозгласивший национализацию всего церковного имущества и лишивший религиозные организации прав юридического лица. За верующими признавалось только право пользования богослужебным имуществом, что предполагало создание новой гражданско-правовой конструкции церковной организации.

Инструкция НКЮ РСФСР от 30 августа 1918 г. поставила последнюю точку в деле разрушения гражданско-правовой конструкции церковной организации РПЦ, созданной дореволюционным российским законодательством. В этом акте отсутствовало даже упоминание о централизованной церковной организации, гражданской право-

способностью наделялась только “группа верующих” граждан, численность которой не могла быть менее 20 человек. В дальнейшем советское законодательство о свободе совести и религиозных объединениях пошло по пути постепенного признания за религиозными организациями правомочий юридического лица, однако предоставление им статуса юридического лица в законодательном порядке произошло только в 1990 г. с введением в действие Закона СССР “О свободе совести”.

Подытоживая все сказанное, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что собственником церковного имущества в дооктябрьский период следует считать не государство, а церковную организацию в целом, выступавшую в качестве самостоятельного субъекта имущественного оборота: церковные учреждения владели имуществом на условиях ограниченного вещного права, близкого современному праву оперативного управления. Гражданско-правовая конструкция РПЦ являлась сложной, ибо как отдельные церковные учреждения, так и церковная организация в целом обладали статусом юридического лица, а гражданская правоспособность церковных юридических лиц как в силу их специфики, так и в силу особого правового положения РПЦ в государстве была специальной (целевой).